

СВОБОДА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ В МИРЕ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ XVIII—XX ВВ.

*VII конференция
Междисциплинарного центральноевропейского
семинара*

Тезисы докладов

7–8 ноября
2023 г.

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СВОБОДА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ В МИРЕ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ XVIII—XX ВВ.

*VII конференция
Междисциплинарного центральноевропейского
семинара*

Тезисы докладов

7–8 ноября
2023 г.

МОСКВА

2023

УДК 930.85
ББК 63.3(44)
С25

Редакторы-составители:
О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко

С25 Свобода на все времена: вечные ценности в мире ограничений и запретов в Центральной Европе и сопредельных регионах XVIII–XX вв. Тезисы конференции. 7–8 ноября 2023 г. / Ред.-сост. О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 58 с.

ISBN 978-5-7576-0489-3

DOI 10.31168/0489-3

УДК 930.85
ББК 63.3(44)

На обложке:
Рейнер Винкелес (1741–1816).
Аллегорическая композиция *Libertas*

ISBN 978-5-7576-0489-3
DOI 10.31168/0489-3

© Коллектив авторов, текст, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023

СВОБОДА ГЕРОЯ / АВТОРА / ЧИТАТЕЛЯ (ЯНИНА ДУШЕЙКО И ОЛЬГА ТОКАРЧУК)

«Экологический детектив» О. Токарчук «Веди свой плуг по косям мертвецов» анализируется с точки зрения логики и психологии творчества (механизмы рождения и развития литературного героя, его разноуровневых связей с личностью автора) и читательского восприятия. Вызвавший дискуссию «случай Янины Душейко» связан с пониманием свободы автора и персонажа. Всякий литературный герой является моделью чувствования и поведения, всякий — в определенном внехудожественном контексте — может быть воспринят (и эффективно воздействовать на читателя) как образец или антиобразец. Особенно это ощутимо, когда речь идет о персонажах, наделенных спорной (или даже бесспорно чрезмерной — в парадигме реальной жизни) свободой действий. Янина Душейко, главная героиня романа, относится к числу тех ярких персонажей, которые, будучи вписаны во внетекстовую реальность, нередко подталкивают читателя к стиранию грани между нею и литературой. Поскольку Душейко выполняет также функции повествовательницы и наделена рядом автобиографических черт, появляется искушение считать ее «рупором» автора (коим она действительно является, но лишь отчасти). Отчаявшись добиться исполнения заповеди «не убий» по отношению к животным законным путем, Душейко убивает сама: сострадание к незащитному, проповедь эмоциональной связи человека и животного оборачиваются действиями не только насильственными, но и эксцентричными (убийство охотников выдается за месть их жертв) — логика развития личности персонажа приводит к совершению преступления. Логика жанра и логика морали, в свою очередь, требуют наказания в финале — однако автор его избегает, «пряча» свою героиню. Таким образом, использование потенциала вымысла — ради «безопасно-

го» проигрывания опасных моделей поведения, ради исследования механизма их генезиса и последствий, ради акцентирования проблемы — усилено провокационным (художественно и психологически) авторским «уходом от ответственности», а «обманутый» читатель получает бóльшую свободу для рефлексии. ■

Александрова Анна Константиновна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.02

ПОНЯТИЕ СУВЕРЕНИТЕТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГРЕЦИИ В ПЕРИОД ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2010-х годов

Двухсотлетняя история независимого греческого государства неразрывно связана с историей Европы, поэтому современная греческая национальная идентичность является одновременно и европейской. Вместе с тем, формально независимая Греция находилась в постоянной зависимости от более могущественных держав (и европейских, и США), причем не только во внешней, но и во внутренней политике. В XXI в. членство Греции, как и любой другой страны, в Европейском союзе подразумевает добровольную передачу части ее суверенитета наднациональной организации. Эта проблема привлекала внимание действующих политиков и ученых на протяжении всей истории существования европейского интеграционного объединения, но особую актуальность для Греции она приобрела в 2010-е гг., когда в стране начался глубокий финансово-экономический кризис. В докладе рассматривается контекст употребления понятия «суверенитет» в политическом дискурсе Греции в этот турбулентный период. Экономика и финансовый сектор Греции на несколько лет были переведены под внешний контроль «тройки» кредиторов — Еврокомиссии, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда, что фактически являлось частичным (и отнюдь не добровольным) ограничением национального суверенитета страны и вызывало рост евроскептических настроений. Кризис в Греции выявил дисбалансы в еврозоне: входящие в нее экономически сильные страны могли диктовать свои условия более слабым, используя при этом рычаги Евросоюза. Из-за подобной асимметрии по оси «ядро – периферия» интеграционный процесс становился средством, а ЕС —

пространством реализации национальных интересов влиятельных государств — членов союза, и суверенитет «сильных» и «слабых» стран оказывался неравноценным, что само по себе тормозило процесс евроинтеграции. Сложившаяся ситуация неизбежно привела к тому, что в политическом пространстве Греции началось переосмысление места страны в современной структуре Евросоюза — вплоть до формирования представлений о Греции как о «долговой колонии» Европы. ■

Аржакова Лариса Михайловна

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.03

МЕСТО И РОЛЬ КАТЕГОРИИ СВОБОДА В ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Утрата золотой шляхетской вольности, ставшая следствием потери Речью Посполитой государственной независимости, поставили польскую общественно-политическую мысль перед необходимостью выработки иного восприятия понятия свободы, ориентированного на весь разделенный польский народ. Обращение к творческому наследию видных польских интеллектуалов, составивших во второй половине XIX в. группировку станьчиков, убеждает, что воспоминания о золотом веке польской государственности, постепенно утрачивая свою былую привлекательность, настраивали на решение ряда задач, среди которых ключевое значение приобретала задача выяснения/ определения свободы как одного из основополагающих понятий, без конструирования и оперирования которым диалог станьчиков с обществом был едва ли возможен. Показательным в этом смысле можно считать сочинение Станислава Козьмяна (одного из соавторов знаменитой «Папки Станьчика») «Дело о 1863 годе»/*Rzecz o roku 1863*, демонстрирующее, как в настоящем, но с учетом опыта прошлого, станьчики предлагали понимать свободу в условиях отсутствия независимого польского государства. Однако в своих размышлениях о давнем и недавнем польском прошлом, без вдумчивого анализа которого станьчики не представляли себе решения проблем настоящего, такой категорией как свобода они все-таки не злоупотребляли. Вместе с тем, нельзя сказать, что в построениях станьчиков свобода как категория не обладала должной весомостью, но произошедшие внутри и вокруг польского общества перемены настоятельно требовали пересмотра места и роли этой категории. Свобода, в отличие от золотой шляхетской вольности, коей обладало исключи-

тельно привилегированное сословие, теперь все больше воспринималась как неотъемлемая часть государственной независимости, в обретении которой были заинтересованы все страты польского общества. ■

Баченина Валерия Вячеславовна

(Уральский федеральный университет, Екатеринбург)

DOI: 10.31168/0489-3.04

Влияние концепции свободы австрийских пангерманистов на формирование национальной идентичности австрийских немцев в конце XIX — начале XX в.

Австрийские пангерманисты Г. фон Шёнерера как националистически активная политическая группа вписывали собственные политические проекты в общую канву проблем национальной идентичности австрийских немцев Цислейтании. Процесс нациостроительства у австрийских немцев проходил нелинейно и сопровождался общественной рефлексией и сосуществованием в одно и то же время нескольких пересекающихся форм национальной идентичности. С конца XVIII в. наиболее остро этот процесс проходил на «языковых границах» (*Schprachgrenze*), что в Австро-Венгрии приобрело особенное значение. Фигура лидера австрийских пангерманистов Георга фон Шёнерера, его эпатажные акции, скандальное поведение в рейхсрате и бескомпромиссное отношение ко всему «габсбургскому» и «не-немецкому», с одной стороны, обеспечили ему популярность среди современников, но с другой, к 1907 г. свели эту популярность практически на нет. Австрийских пангерманистов можно было бы назвать эскапистами, желающими скрыться от проблем многонационального государства в воображаемом идеальном государстве князя Бисмарка, однако Шёнерер апеллировал не столько к идеальному будущему, сколько к идеальному прошлому, когда немцы обеих империй были едины и гомогенны в своих общегерманских целях, стремлениях и желаниях. «Свобода» в его представлении была тесно связана с идеей «возвращения»: только через «возвращение» в Германскую империю, в лоно истинного германства, можно было освободиться от Габсбургов, католической церкви, «славянского придатка» в лице земель с подавляющим количеством славянского населения.

Сама дихотомия «свой — чужой», проявляющаяся во всех инициативах австрийских пангерманистов, строилась вокруг идей «обороны» и «освобождения», что не могло не вызывать ответной реакции со стороны правящего дома, католической церкви и других политических групп. Однако, несмотря на все усилия обеих сторон, лояльных императору и династии или мечтающих о скором воссоединении с «матерью Германией», к началу Первой мировой войны национальное сознание австрийских немцев не стало гомогенным. Оно представляло собой лоскутное полотно, состоявшее из имперского, культурно-исторического, локального историко-географического, этнокультурного элементов. В условиях этой неоднородности главным итогом деятельности австрийских пангерманистов стало поддержание и укрепление той части национальной идеи, которая впоследствии сформировала, в том числе, то, что сейчас называется современной Австрией. ■

«Мы хотим свободную школу!»: учителя Цислейтании в борьбе за свободу от государственного, националистического и партийно-политического контроля

В последней трети XIX в. школа и вопросы образования в Цислейтании становятся фронтом межнациональной и межпартийной борьбы, а также объектом усиленного контроля со стороны государства. Все интересанты видели в школе и учителях эффективный инструмент усиления своего влияния. Венское министерство культов и просвещения провело ряд серьезных реформ по централизации школьной системы, регламентируя прием на работу учителей только с должными моральными и политическими установками. При этом приверженность учителей националистическим убеждениям была лишь одной стороной проблемы; власти были не менее обеспокоены ростом влияния либерализма, социализма, анархизма и других политических течений среди учителей. С точки зрения министерства учителя являлись бюрократами, которые должны были быть политически нейтральными; ключевой задачей учителя было воспитание «верных сынов Отечества». Многие учителя глубоко возмущались попытками контролировать их политические взгляды, считая это злоупотреблением властей и вопиющим нарушением гражданских свобод. Педагогические журналы разных политических и национальных союзов отвергали идею о том, что учителя должны быть аполитичными, как чиновники, чьи личные взгляды определялись ролью слуг государства. С другой стороны, учителей беспокоило вмешательство националистических и партийно-политических организаций в дела школ и школьных советов, которое они расценивали как прямой вызов независимости и свободе учителей. Педагогические журналы отражали стремление снизить интенсивность националистической риторики и опасения,

что политические партии, контролирующие школьные советы и провинциальные сеймы, будут использовать школы для реализации своей политической повестки. Звучали призывы работать вместе учителям, вне зависимости от национальной и партийной принадлежности, для достижения общих целей: свободы преподавания, увеличения заработной платы, улучшения условий труда и т. п. Общим местом в речах и статьях учителей стало требование: «Мы не хотим потерять свою свободу, чтобы нас нанимали просто как работников. Мы хотим свободную школу!». ■

Вирен Денис Георгиевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.06

(Не)свобода в польском кино времен «зрелого социализма»*

Кинематограф Восточно-Центральной Европы на протяжении всей своей истории — за редкими исключениями — существовал в условиях цензурного контроля и несвободы. В 1970-е годы (тогда их пропагандистски именовали «реальным социализмом»), но с исторической перспективы они предстают временем заката системы) отношения власти и кинематографистов, которые были вынуждены с ней считаться, напоминали нечто вроде игры, порой весьма жестокой. Крайним случаем этого взаимодействия становился полный запрет произведений, причем как на стадии производства («На серебряной планете» (1977/1988) Анджея Жулавского), так и после завершения работы над фильмом («Индекс» (1977/1981) Януша Киёвского), однако такое случалось не столь часто. Наиболее характерными примерами борьбы режиссеров за право на свободу художественного высказывания были фильмы «морального беспокойства», но и в лентах иного плана, снятых в тот период, ощущается состояние подавленности и духоты, создается впечатление безвыходного пространства. Доклад будет посвящен польским психологическим драмам 1970-х гг., в которых в той или иной степени отразилась проблематика несвободы и получили выражение оппозиции закрытости/открытости, пассивности/активности и т. д. Среди картин, которые больше всего интересуют нас в этом контексте: «Спасение» (1972) Эдварда Жебровского, «Дверь в стене» (1974) Станислава Ружевица, «В пути» (1979) Марты Месарош. Последняя работа особенно интересна, поскольку представляет собой польско-венгерскую копродукцию и дает повод порассуждать о специфике ограничений в разных кинематографиях «восточного блока». ■

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

КОНЦЕПТ СВОБОДЫ В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

В докладе категория свободы рассматривается в качестве базового концепта венгерской картины мира. Если в XIX в. этот феномен тесно коррелировал с определяющими мотивами глубинного уровня национальной культуры и был встроен в систему венгерской ментальности (М. Верешмарти, Ш. Петефи, Я. Арань, И. Мадач, М. Йокаи, К. Миксат), то в XX в. рефлексия в отношении свободы приобретает более конкретный характер. Авторы представляют более дифференцированный подход к презентации свободы в качестве одной из ведущих ценностей венгерской культуры. Одним из вариантов осмысления феномена свободы становится помещение понятия в контекст семейно-родственных отношений с последующим стремлением определить степень свободы человека от ближайшего окружения. Данный мотив наблюдается в произведениях Ж. Морица, Л. Немета и М. Сабо. Ш. Марай и А. Тамашы выводят ценность свободы на более обобщенный уровень, создавая образы людей, обретающих экзистенциальную свободу и отчасти тяготящихся ей. Радикальный вариант освобождения индивида как в политическом, так и в экзистенциальном аспектах предлагает П. Вереш, в чьих произведениях свобода приобретает черты крестьянского анархизма. Д. Конрад и И. Кертес за счет экзистенциального напряжения предлагают радикальный вариант внутренней свободы субъекта, помещенного в социальный контекст, полностью свободу исключаящий. В текстах И. Эркеня и П. Эстерхази свобода концентрируется в личности автора, превращающегося в иронизирующего субъекта, который, в определенном роде, выводит себя за рамки несвободного мира и создает собственное дискурсивное пространство. ■

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ КАК ПОТЕРЯ СВОБОДЫ В ОЧЕРКЕ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА «МОСКВА»

В центре исследования находится очерк немецкого писателя и теоретика культуры Вальтера Беньямина (1892–1940), написанный им по заказу Мартина Бубера и впервые опубликованный в журнале *Die Kreatur* (1927/1928. № 2. S. 71–101). Данное произведение представляет собой переработку материалов личного дневника философа, составленного в ходе путешествия в столицу Советской России зимой 1926–1927 гг. «Москва» и «Московский дневник» в последние годы анализируются большим числом специалистов — филологами, изучающими особенностями создания текста (Ж. В. Бриль), философами, заинтересованными в рассмотрении позиции наблюдателя в произведении, осмыслении стиля мышления автора (Ю. В. Ватолина, В. Е. Семенов), историками повседневности (Д. И. Крушинская, А. В. Ерохин). Доклад, прежде всего, посвящен особенностям советской жизни конца 1920-х годов, свидетельствующим об ограничении человеческой свободы. Это ограничение проявляется в отсутствии пространства на улицах для комфортного передвижения, хаосе домов, отчуждающем все частное в пользу коллективного, особенностях жизни в коммунальных квартирах (пространственное отчуждение); а также в лишении советского человека свободного времени и неумении чиновников распоряжаться как своим рабочим временем, так и временем других (временное отчуждение). Об отсутствии свободы свидетельствуют и иерархизация всех сторон общественной и частной жизни, и необходимость занимать ту или иную позицию для понимания происходящего (даже турист не может оставаться сторонним наблюдателем), и появление кастового устройства, в котором положение гражданина определяется отношением к партии.

Через термины «естественный отбор», «борьба за существование» (что В. Беньямином при описании России трактуется как «борьба за власть»), «ремонт», использованные в тексте очерка, может быть рассмотрен процесс ограничения свободы в постреволюционные годы в Советском Союзе. ■

Илюкович Илья Владимирович

(Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербурга)

DOI: 10.31168/0489-3.09

СВОБОДА АРИСТОКРАТА В НЕМЕЦКОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЖИВОПИСИ

Тема свободы в европейской культуре долгое время являлась тесно связанной с темой аристократизма, аристократических идеалов. Именно высшие слои общества оказались первыми носителями свободы, очертив собой круг равного достоинства дворян, принадлежащих единому воинскому сообществу. Рыцарские турниры, поединки чести или дуэли стали манифестацией свободы, выполняя функцию подтверждения достоинства избранного круга лучших (греч. ἀριστος). Этот аристократизм внутренней свободы, длительное время культивируемый в разных странах Европы, весьма убедительно представлен в живописи. В задачи исследования входит определить, какие представления о свободе и аристократизме транслируют немецкие художники, как связаны в их понимании свобода и аристократизм, что входит в рамки общеевропейской традиции живописи в трактовке свободы и аристократизма, а в чем проявляется сугубо германская специфика. В качестве источников исследования выступают портретные изображения немецких художников XVIII–XIX вв., в частности И. Ф. А. Тишбейна, А. Р. Менгса, А. Пэна, А. Кауфман, а также искусствоведческие, исторические и культурологические работы по европейской аристократии. Исследование производится методом культурологического анализа, предполагающего считывание и изучение концепций и смыслов, «культурного кода», который передается через портрет. На примере портретных изображений дворянской знати можно видеть, как живописцу при посредстве художественных приемов, выбора композиции, фона и атрибутов, взгляда, поворота головы, положения рук удается передавать различные смыслы, сопутствующие представлениям о свободе и аристократизме. Сво-

бода на аристократический манер предстает здесь прежде всего как автаркия-самодостаточность, как сдержанность и владение собой, как свобода жеста, позы и положения, как свобода самоутверждения субъекта в его царственной центрирующей роли. ■

Казарцев Евгений Вячеславович Якимова Мария Владимировна

(НИУ Высшая школа экономики, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.10

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И СВОБОДА РЕАЛИЗАЦИИ МЕТРА: РУССКО-БЕЛОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАНСФЕР

Доклад посвящен проблеме взаимодействия русской и белорусской метрической версификации XIX–XX вв. в контексте изучения стихотворных переводов. В работе представлены результаты проверки нескольких гипотез, касающихся причин формирования специфической традиции реализации ямбического тетраметра в белорусских переводах русской классической поэзии. Анализ просодического рисунка переводов романа в стихах «Евгений Онегин», поэм «Медный всадник», «Цыганы», «Полтава» А. С. Пушкина, а также «Мцыри» и «Демон» М. Ю. Лермонтова в сравнении с русскими оригиналами и оригинальными сочинениями белорусских поэтов-переводчиков: Я. Купалы, Я. Коласа, А. Дударя и А. Кулешова — обнаруживает такую степень свободы реализации метра в переводных текстах, которая позволяет говорить о практически полной независимости исследуемой переводческой практики от предыдущего опыта русского и белорусского стиха. ■

Кимленко Екатерина Александровна

(Институт всеобщей истории РАН / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.11

«ВАТИКАНСКИЙ УЗНИК» ПИЙ IX И ИЕРАРХИ КУРИИ О ПОСЯГАТЕЛЬСТВЕ ВЛАСТЕЙ ИТАЛЬЯНСКОГО КОРОЛЕВСТВА НА СВОБОДУ ПОНТИФИКА

Политическое объединение земель Апеннинского полуострова завершилось присоединением Рима к Итальянскому королевству. События 20 сентября 1870 г. стали важной вехой не только в истории Италии, но и в истории Католической церкви, так как с захватом Вечного города произошла ликвидация светской власти папы. Вслед за понтификом свои секулярные полномочия утратила римская Курия, административный орган Святого престола. Пий IX и куриальные иерархи настаивали на необходимости сохранения светских прерогатив, видя в них гарантию свободы понтифика как главы церкви. Ликвидацию светской власти папы они ассоциировали с попаданием церкви под контроль правительства короля Италии, а также с возникновением у верующих сомнений в независимости понтифика при принятии решений. После вступления итальянских войск в Рим Пий IX объявил себя «узником Виктора Эммануила». Понтифик считал, что под вопросом оказалась не только его личная свобода, но и свобода будущего конклава, а также свобода деятельности Конгрегаций Курии. Считая себя несвободным в новой столице объединенной Италии, папа, несмотря на статус епископа Рима, раздумывал над тем, чтобы покинуть город. Посягательством на свободу понтифика считался не только захват Рима королевскими войсками, но и другие шаги правительства короля Италии. При том, что понтифик стремился сохранить свою независимость от правительства Виктора Эммануила II, папа рассчитывал на помощь Франции и Австрии и, таким образом, зависел от отношения их правительств к политическим событиям на Апеннинском полуострове. В докладе также будет затронута позиция Австрии по проблеме сохранения светской власти папы и ее изменение в связи с австро-итальянской войной 1866 г. и другими крупными событиями 1860–1870-х гг. ■

**АНТИНЕМЕЦКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЛЮБЛЯНЕ
В СЕНТЯБРЕ 1908 г. — СТРАНИЦА БОРЬБЫ СЛОВЕНЦЕВ
ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ СВОБОДУ**

Рост словенско-немецкой конфронтации в конце XIX — начале XX вв. находил выражение в том числе в массовых выступлениях двух народов друг против друга. Наибольшее значение для истории словенцев, по мнению исследователей, имели события, произошедшие 18–20 сентября в Любляне. В ответ на антисловенские выступления немцев в Птуе 13 сентября словенские либералы организовали 18 сентября митинг протеста словенцев в Любляне. Однако удержать ситуацию под контролем им не удалось: на улицах начались беспорядки, в ходе которых словенцы били стекла в домах немцев, срывали со зданий австрийские флаги и таблички с немецкими названиями улиц и, вооружившись палками и камнями, нападали на немцев. Эти выступления словенцев стали самыми мощными со времен революции 1848 г. 20 сентября они были подавлены правительственными войсками, при этом несколько словенцев были ранены и двое убиты. Трагические события на время объединили все три конкурирующие словенские партии — католиков, либералов и социал-демократов, и общими усилиями созданный ими Национальный комитет сумел восстановить порядок в городе. Применение оружия вызвало у словенской общественности взрыв возмущения и рост антиправительственных настроений. Либеральный жупан Любляны И. Хрибар охарактеризовал его как «преступное и легкомысленное», запятнавшее позором австрийскую армию. Протестные митинги и демонстрации прокатились по всей империи, но кровопролитие на них удалось предотвратить. Антинемецкие выступления произошли в ряде городов и сел Нижней Штирии, в ответ немцами в Целье и Мариборе были проведены антисловенские демонстрации. Вена, Иннсбрук и Зальцбург

выразили протест против действий словенских националистов, большинство австрийских славян, напротив, высказали солидарность с ними. Одним из последствий сентябрьских выступлений в Любляне стал инициированный словенскими политиками бойкот немцев, не только ущемлявший их национальное достоинство, но и наносивший им серьезный экономический ущерб. Так, например, крупнейший в провинции Крайнский немецкий сберегательный банк едва избежал банкротства. Некоторые словенские историки считают сентябрьские события в Любляне вехой в развитии национального самосознания словенцев, другие полагают, что им не следует придавать такого большого значения. В любом случае, сентябрьские волнения в Любляне вызвали среди словенцев подъем национализма, недовольство действиями армии и правительства, резкое обострение словенско-немецких отношений. Они, как и произошедшая через несколько дней аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, дали толчок к более интенсивной разработке словенцами своего варианта программы триализма — государственно-правового объединения всех югославянских земель монархии, уже в январе 1909 г. принятой и католиками, и либералами на заседании крайнского провинциального собрания. ■

Киселева Лариса Айратовна

(Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва, Самара)

DOI: 10.31168/0489-3.13

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ И ВОЛЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В докладе с опорой на лексикографические источники («Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и т. д.) рассматриваются основные закономерности интерпретации представлений о свободе и воле в русском языке старшей поры. Проводится сопоставительный анализ семантической структуры соответствующих слов, выявляются сходства и различия их значений. Установлено, что сложность семантики данных единиц и своеобразие содержательных отношений между ними обусловлены влиянием как собственно языковых, так и внеязыковых причин. Среди первых можно выделить изначальную диффузность (синкретизм) значения лексем, которая определяется таким объективным фактором, как нерасчлененность мировосприятия, проявляющаяся на всех уровнях познавательной деятельности. К числу важнейших внешних факторов необходимо отнести обусловленность понимания абстрактных явлений религиозным видением мира: зафиксирована «сакрализация» отвлеченных понятий, в соответствии с которой их культурная и языковая интерпретация осуществляется с опорой на главный регулятивный принцип Средневековья — Бога. С учетом контекстуальных связей определяются наиболее актуальные смыслы, характерные для слов *свобода* и *воля* в русском языке рассматриваемого периода. Устанавливается связь содержания анализируемых лексем с ценностными доминантами соответствующей исторической эпохи. ■

Котов Виктор Викторович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.14

ЧЕШСКИЙ ЖУРНАЛ *Svoboda* КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ (1867–1875)

Доклад посвящен пражскому периодическому изданию *Svoboda* («Свобода») как историческому свидетельству, а также как феномену чешской политической и культурной истории. Изучение этих проблем предполагает рассмотрение таких вопросов, как чешское националистическое мышление, строившееся на взаимосвязанных принципах историзма, органицизма, прогрессизма, эгалитаризма и тотальности (а также связанная с этим принципом система идентификационных установок, включая антинемецкую и идею славянской взаимности); переход от патерналистской к либеральной системе цензуры в монархии Габсбургов; журналистика как форма политической деятельности; положение журнала *Svoboda* в системе пражской, чешской, австрийской и мировой периодики; конкуренция пражских издательств и типографий; дифференциация внутри так называемой чешской Национальной партии и ее раскол на «старочехов» и «младочехов», а также развитие радикально-демократического направления и его значение для последующего формирования чешского аграризма и социализма. *Svoboda* представляется важным источником для изучения биографий двух главных редакторов и владельцев этого издания, значимых чешских националистических политиков Йозефа Барака (1833–1883) и Альфонса Штястного (1831–1913). Название журнала предопределило появление на его страницах ряда размышлений об идеалах свободы, рассматриваемых исходя из националистической перспективы. В 1867 г. журнал также издавался под названием «Pravda» («Правда»). Публикуемые материалы затрагивали как проблемы, значимые для основного направления чешской националистической политики (например, чешское историческое государственное

право и положение т. н. чешских земель в составе Цислейтании), так и для её более либеральной части (например, рабочий вопрос и роль образованных слоёв в его решении, а также вегетарианство). Спецификой журнала были радикальные антидворянские и особенно антиклерикальные позиции. Поводом для демонстрации последних стали возвращение иезуитов в Прагу в 1866 г., Первый Ватиканский собор 1869–1870 гг. и обсуждение законодательства, регулирующего взаимоотношения монархии Габсбургов и Католической церкви. ■

ИДЕИ И ИДЕАЛЫ СВОБОДЫ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ (НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ 1960–1980-х гг.)

В советском политическом дискурсе присоединение Западной Украины к СССР считалось событием большой исторической важности, которое не только позволило наконец-то воссоединить «великий украинский народ в едином Украинском государстве», но и освободить «родных братьев» украинцев от угнетения. Первый секретарь ЦК Компартии (большевиков) Украины Н. С. Хрущев неоднократно подчеркивал в выступлениях, что именно советская власть дала крестьянству возможность строить свободную жизнь. Что же думали по этому поводу сами крестьяне западных областей Украины? Как они понимали, что такое свобода? Видели ли они перспективы, отличные от господствующего представления, выстраивали ли специфические контр-нарративы, альтернативные идентификации, склонны ли они были к проявлению того, что немецкий историк Альф Людтке обозначал понятием *Eigensinn* (своеволие, своенравное упрямство)? В докладе с помощью метода дискурс-анализа будет изучена корреспонденция и другие эго-документы из частного архива Степана Федоровича Лагно (1913–1990). Он родился в небольшом селе Порубы Королевства Галиции и Лодомерии Австро-Венгерской империи (теперь это Львовская область Украины), окончил четыре класса школы, работал по найму. Во время войны был вынужден выехать на принудительные работы в Австрию, где встретил свою будущую жену. После войны проживал на хуторе Хомы в Тернопольской области УССР, работал в колхозе, в 1956 г. вместе с семьей переехал ближе к областному центру: в село Плотыча, где и прожил до своей смерти. Крестьянские эго-документы относительно недавно стали предметом изучения историков, особенно редки работы, в которых

изучается переписка. В архиве сохранилось несколько десятков писем, отправленных С. Ф. Лагно родственниками в период с 1960-х по 1980-е годы. Помимо описания семейных новостей, здоровья и погоды, в письмах авторы делятся воспоминаниями о довоенной жизни, размышляют о Боге, о науке и технике, о пьянстве и трезвости, о нациях и истории мировых империй, и в том числе затрагивают тему прав и свобод человека. ■

**Слово СВОБОДА
в книге И. Г. Грицкат-Радулович
«На зарубежной родине»:
контексты и значения**

В зависимости от ситуации или контекста слово *свобода* (как и понятие «свобода») может иметь различные толкования. Свидетельством этого являются, к примеру, определения его значения/значений в различных словарях и энциклопедиях. Употребление данного слова, смысловое наполнение понятия «свобода» в конкретном случае несут влияние определенной исторической и социокультурной реальности, в которой находится использующий его человек. Основная цель данного доклада — исследование отражения многозначности слова *свобода* в мемуарно-автобиографической книге И. Г. Грицкат-Радулович (1922–2009) (сербский ученый-лингвист, переводчик, эссеист, поэт) «На зарубежной родине». Достижению ее способствует ознакомление с трудами лингвистов — в частности, об отношениях, связи языка и культуры, как и различными работами, посвященными рассмотрению слова/понятия/концепта *свобода* (и/или *воля*). Обращаясь к произведению И. Г. Грицкат-Радулович, мы попытаемся проследить, как жизненный опыт автора — рождение вскоре после окончания Первой мировой войны, в 1922 г., в семье эмигрантов из России в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, взросление, становление в русской и сербской среде, годы Второй мировой войны и жизнь в условиях послевоенной Югославии — воплотился в повествовании, в описаниях событий и состояний, переживаний и т. д., так или иначе связанных или имеющих отношение к свободе. В частности, будут рассмотрены некоторые примеры употребления автором слова *свобода* и слов, входящих в его словообразовательное гнездо (*свободный*, *освободить*, *освобождение* и др.), а также слова *воля*,

используемого в синонимичном значении. Это поможет лучше понять мировоззрение автора воспоминаний, осмыслить ее понимание свободы и способ самовыражения. ■

**Судьбы политических и экономических свобод
в Царстве Польском в первой половине XIX в.**

В 1815 г. по решению Венского конгресса Австрия, Пруссия и Россия, в состав которых вошли части территории Герцогства (Княжества) Варшавского, договорились обеспечить права польского населения. Царству (Королевству) Польскому, созданному на польских землях, оказавшихся в Российской империи, была дарована конституция, сохранены «внутренние государственные учреждения» и некоторые политические и гражданские свободы, в том числе и Кодекс Наполеона, введенный в Герцогстве Варшавском в 1808 г. Потеря политического единства польских земель в ходе разделов Польши в XVIII в. и передача территории Герцогства Варшавского во владение Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов не могла устранить сложившихся на протяжении столетий устойчивых экономических связей польских земель в границах 1772 г. В связи с этим правительства России, Пруссии и Австрии, исходя из признания объективности и полезности этих связей, поддерживали их, в первую очередь в области торгового и таможенного законодательства. Наряду с этим, после подавления польского Восстания 1830–1831 гг. власти империи и царская администрация Царства Польского приняли ряд мер, направленных на сближение польского законодательства с общеимперским, что привело к устранению ряда реминисценций французского права в польском законодательстве, но не означало ликвидацию французского влияния в целом. Традиции и нормы французского права, особенно введенного в 1809 г. французского Торгового кодекса, продолжали действовать не только в Царстве Польском, но и после создания независимого польского государства в 1918 г. ■

Миронов Владимир Валерьевич

(Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов)

DOI: 10.31168/0489-3.18

О «ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНОМ» ПРИНЦИПЕ ЧЛЕНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ФРОНТЕ (1933–1938) СЛУЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ АВСТРИИ

Демонтаж парламентаризма в Австрии весной 1933 г. открыл путь к установлению диктатуры Э. Дольфуса/К. Шушнига, споры об институциональной сущности которой не стихают до сих пор. Для ее обозначения могут использоваться как самоназвание — «корпоративное государство», призванное затушевать сохранявшиеся в обществе классовые противоречия, так и введенные в оборот политическими противниками режима Э. Дольфуса/К. Шушнига понятия «австрофашизм» и «клерикальный фашизм», подчеркивавшие их идейную близость к германскому нацизму и итальянскому фашизму. Активное вмешательство верхушки католического клира в выработку идеологии традиционалистского по своей сути режима закрепляло за политическим католицизмом статус «путеводной звезды» общества. Курс на рекатолизацию австрийского общества выразился в массовых политических празднествах 1933 г. в связи с широко отмечавшимся 300-летием снятия турецкой осады Вены. Параллельно был развернут процесс строительства политической структуры режима, которая была призвана искусственно заменить собой прежнюю партийную систему. В создании в мае 1933 г. Отечественного фронта, членство в котором становилось обязательным для служащих государственных учреждений (чиновников, учителей), ряд исследователей склонен усматривать одно из главных проявлений «имитационного фашизма», стремившегося идти в ногу со своими уже пришедшими к власти в Германии и Италии идейными собратьями. Новые политические реалии ставили служащих государственных учреждений Австрии перед нелегким выбором: отказ от вступления в Отечественный фронт мог обернуться по меньшей мере увольнением, грозившим потерей

средств к существованию в условиях продолжавшейся «великой депрессии». В материалах Российского государственного архива социально-политической истории содержится оригинальный документ, представляющий собой объяснительную записку учителя одной из средних школ г. Вены, который в 1936 г. отказался вступить в Отечественный фронт. Анализ приведенных в ней причин позволяет сделать вывод, что наибольшее недовольство автора данного документа, состоявшего в Социал-демократической партии до ее запрета в 1934 г. и не принадлежавшего с 1920 г. ни к одной официальной церкви, вызвал католический (клерикальный) дрейф австрийского государства, не совместимый, по его мнению, с принципом религиозного плюрализма. Следующей причиной был указан полный отход автора документа от политической деятельности под влиянием событий 1933–1934 гг. в Австрии, сделавших, по его мнению, недостижимым установление социалистического строя мирным, демократическим путем. Объектом критики в объяснительной записке стала установленная в стране авторитарная система управления, не имевшая под собой морального авторитета. Заручиться массовой поддержкой населения можно было, по мнению автора, путем создания «демократически-конституционной монархии (так в источнике. — В. М.), не пробуждавшей недоверия у наших соседей», что, очевидно, указывает на присутствие в общественном мнении проблемы реставрации Габсбургов. От вступления в Отечественный фронт автора документа удерживала также декларированная им «любовь к Отечеству», проявившаяся в ностальгии по распавшейся Габсбургской монархии и в несогласии с текущим внешнеполитическим курсом на сотрудничество с «неверным союзником 1915 г.» (Италией), который мог привести к вовлечению страны в «новые военные авантюры». Несмотря на заверения автора документа в лояльности правительству, в январе 1937 г. было начато служебное расследование с целью проверки его благонадежности, установить результаты которого, судя по сохранившимся документам, не представляется возможным. ■

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЦЕРЕМОНИАЛ В РОССИИ XVIII ВЕКА:
СТРОГИЕ ПРАВИЛА И ПРОТОКОЛЬНЫЕ ВОЛЬНОСТИ***

Настоящее исследование посвящено дипломатическому церемониалу приема женщин, сопровождающих дипломата, при Российском дворе, в частности особенностям его реализации. В XVII–XVIII вв. Европа вступила в новый период межгосударственных отношений. Увеличилась роль дипломатии, произошел переход к современной системе организации посольской службы — регулярным дипломатическим представительствам. Вместе с этим росло присутствие в дипломатии женщин, сопровождающих послов. Устойчивые межгосударственные отношения требовали изменения порядка общения внутри европейского сообщества. Эти тенденции нашли отражение в понимании этикета как единого символического языка международных переговоров, а церемониала как совокупности правил и условностей, соблюдаемых участниками дипломатического процесса. Публичное появление при дворе дипломата и его супруги сопровождалось ритуалами, соответствующими статусу представителей и уровню взаимоотношений между странами. Главная задача посла и «посольши» заключалась в достойной репрезентации своего монарха, поэтому они должны были скрупулезно следовать правилам церемониала. Принимающий двор, в свою очередь, следил за соблюдением протокола во избежание конфликтов, поскольку любое недопонимание на почве этикета могло значительно поменять отношения между странами. В русле актуальных подходов «новой дипломатической истории» на материалах делопроизводственных документов церемониальной конторы и коллегии иностранных дел в докладе рассматривается, как

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Языки российской дипломатии XVIII века в европейском контексте» (проект № 22-48-044).

принимали «посольш» при петербургском дворе, насколько строго соблюдались протокольные нормы, какие вольности могли допустить и по какой причине? Важность изучения особенностей реализации дипломатического этикета в России XVIII века обусловлена высокой ролью в международных отношениях церемониала, который может говорить о содержании дипломатического процесса не меньше, чем официальные переговоры. ■

ПРАВО НА ЗАЩИТУ СВОИХ ПРАВ И ПРАВО СЛУЖИТЬ ИМПЕРИИ: БОРЬБА ДОНСКИХ КАЗАКОВ XIX В. ЗА ВЫБОРНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Образ казачества как сообщества людей, которым важна свобода, в настоящее время достаточно распространен. Согласно А. Каппелеру, интерпретация казаков как символа свободы стала неотъемлемой частью украинского национального исторического мифа. В среде донских казаков XX в. так же были распространены образы «Вольного казачества» (так назывался журнал, издававшийся в эмиграции, в числе авторов которого были как донцы, так и представители других казачьих групп). В итоге начиная с 1920 гг. казачья политическая свобода обычно трактуется ее сторонниками как политическая свобода отдельного народа. У донских авторов XIX в. тема казаков как символа свободы почти не поднималась, но при этом существовала концепция региональной демократической казачьей автономии. Необходимость подобной автономии обосновывалась рядом донских и связанных с Доном авторов (И. С. Ульяновым, А. М. Дондуковым-Корсаковым, А. А. Донецким и др.) не через универсалии общечеловеческих прав, но через исторические казачьи привилегии. Целью существования автономии называлось как соответствие нуждам края, так и более эффективное служение казаков России, которое, якобы, было проще обеспечить выборным казакам, знающим свой край, а не назначенным из столиц чиновникам. Таким образом, в XIX в. казачья политическая свобода трактовалась донскими авторами как политическая свобода корпорации внутри Российской империи, способной в случае предоставления автономии служить Империи еще лучше. Соответственно, право на определенную политическую свободу в интерпретации донских авторов XIX в. имели только казаки, но

не другие категории населения Дона, причем сами казаки данное право, вопреки имперскому законодательству, несколько раз де-факто реализовывали, массово отказываясь выполнять непопулярные решения имперской власти. Однако подобные демарши были направлены не против имперской власти в целом, а против ее отдельных шагов при сохранении лояльности престолу, и могли даже обосновываться необходимостью сохранения Донского Войска со всеми его историческими привилегиями для его дальнейшего эффективного служения России. ■

Петрова Мария Александровна

(Институт всеобщей истории РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.21

СПОРЫ О СУВЕРЕНИТЕТЕ В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII–XVIII вв.

В докладе проанализированы изменения, которые произошли в официальном общении европейских правителей после окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира 1648 г., закрепившего за штатами Священной Римской империи германской нации (и бывшими вассалами императора) ряд прав, присущих суверенам, — в том числе право на отправление и прием послов. Новые суверены, прежде всего курфюрсты, избиравшие императора, начали бороться за так называемые королевские почести (*honores regii*), выразившиеся де факто в определенном наборе церемониальных действий в отношении послов коронованных особ и приравненных к ним республик, а именно: получения от коллег обращения «Превосходительство» (*excellence*, *Exzellenz*), первого церемониального визита и традиционно более почетного места справа от хозяина при ответном визите — так называемое первенство в третьем месте. Ареной борьбы за королевские почести стали Франкфурт-на-Майне и Регенсбург, где заседали соответственно Коллегия курфюрстов и рейхстаг Священной Римской империи. При обоих учреждениях с конца XVII в. аккредитовались иностранные дипломаты (сначала Франции, несколько позже — Великобритании, Республики Соединенных провинций, с середины XVIII в. — России). Как показывают источники, практика приема иностранных дипломатов и их церемониального общения с представителями курфюрстов, имела во Франкфурте и Регенсбурге существенные различия. В докладе показано, в чем состояли и чем были обусловлены эти различия, прослежены возможные пути решения церемониальных споров, а также рассмотрены суждения правоведов и публицистов второй половины XVII–XVIII в. о суверенитете курфюрстов и других имперских князей. ■

Приступа Наталья Николаевна

*(Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск)*

DOI: 10.31168/0489-3.22

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА И ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СССР НА СТРАНИЦАХ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО САМИЗДАТА

Сегодня экономическая свобода признается как фундаментальное право каждого человека и первейшая необходимость для защиты и поддержания собственно свободы. Из этого следует, что экономическая свобода уже не столько самоцель, сколько фундамент правового государства и обязательное условие функционирования гражданского общества. Потому неслучайным представляется интерес со стороны чешских и словацких оппозиционных политиков к процессам, которые стартовали в СССР с приходом М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Они связывали большие надежды на перемены с личностью нового советского лидера и одновременно разрабатывали программу реформ в собственной стране. Среди авторитетных экономических аналитиков выделялся Здислав Шульц. До 1971 г. он работал научным сотрудником в Институте экономики Чехословацкой академии наук, после — был исключен за «антисоциалистическую деятельность», и публиковался уже только в самиздате и за границей. В своих работах Шульц не обошел вниманием изучение опыта реформирования экономики в СССР во второй половине 1980-х гг. Раскрыв сущностные характеристики реформ, он критически оценивал реалистичность задуманного Горбачевым плана через призму экономической свободы. Параллельно с анализом перестроечных процессов чешский экономист нарисовал и образ самого Горбачева как государственного деятеля и человека, определил степень его влияния на происходившие в стране события. Работы других ярких представителей диссидентского движения Зденек Млынаржа, Рудольфа Сланского-младшего, Иржи Динстбира, Зденек Йичинского и анонимных авторов, опубликованные на страницах неле-

гальных изданий *Svědectví* («Свидетельство»), *Ekonomická revue* («Экономический журнал»), *Diskuse* («Дискуссия»), *Komentáře* («Обозрение»), *Ze zásuvky i z bloku* («Из розетки и блока»), дополняют картину оценочных суждений и показывают разнообразную палитру настроений и представлений о будущем Чехословакии в условиях открывшегося для нее окна возможностей, не упуская из виду центральную роль экономической свободы в достижении свободного общества. Анализ их взглядов также расширяет понимание перестройки в СССР и роли Горбачева в нараставших переменах. ■

Рагозин Герман Сергеевич

*(Северо-арктический федеральный университет
имени М. В. Ломоносова, Архангельск)*

DOI: 10.31168/0489-3.23

«АВСТРИЙСКАЯ СВОБОДА» КАК МАНИФЕСТАЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГАБСБУРГОВ СРЕДСТВАМИ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЙ ЙОЗЕФА ФОН ХОРМАЙРА)

Легитимация существования государства и властных структур тесно связана с конструированием, использованием и поддержанием комплекса мифов, в том числе исторических. Они подкрепляют права династии, государства и его институтов на существование, выполняют сакрализаторскую функцию и служат средством политической мобилизации. Исторический миф не только формирует общепринятый образ прошлого конкретной общности или их объединения в одном политическом образовании, но и выступает легитимацией тех или иных притязаний государства. Имперский же исторический миф, помимо этих функций, легитимирует право империи на объединение целого ряда общностей, а также на право империи определять международно-политическую ситуацию. В условиях «имперской ситуации», тем не менее, возможно существование мифа, который обосновывает «историческое право» политически выделившейся из большого ареала общности на свой суверенитет и оформление своей империи. Все это в полной мере справедливо по отношению к империи Габсбургов первой трети XIX в. Поражения в Революционных и Наполеоновских войнах, появление титула «император австрийский» и распад Священной Римской империи привели к разрушению старой парадигмы Габсбургов в «германском мире» и своих владениях, включая негерманские. В династической историографии этого периода, а именно в сочинениях Йозефа фон Хормайра это послужило водоразделом между «германской сопричастностью» и «австрийской свободой». После поражения в войне 1809 г. в имперской историографии, в том числе у Хормайра, произошло смещение акцентов в сторону «австрийской

свободы» как «исторического права» Австрии и правящей в ней династии Габсбургов на самостоятельную политику в «германском мире» и Европе, а также на создание собственной империи. Данная парадигма прошла первые испытания, хотя на некоторое время, в 1813–1815 гг., уступила часть позиций «германской сопричастности», однако затем осталась *de facto* господствующей и развивалась в сочинениях Йозефа фон Хормайра, публиковавшихся до эмиграции историографа в Баварию в 1828 г. ■

Родин Денис Валерьевич

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.24

ВЫБИРАЯ НЕСВОБОДУ: АНШЛЮС 1938 ГОДА В ЗЕРКАЛЕ АВСТРИЙСКОЙ ПРЕССЫ

События 85-летней давности, приведшие к исчезновению Первой Австрийской Республики, с одной стороны, представляются достаточно изученными, но с другой, подталкивают исследователей вновь и вновь возвращаться к осмыслению произошедшего как страшного предупреждения о том, как легко целая нация способна отказаться от своей свободы, суверенитета и независимости ради стабильности и порядка. В связи с этим нельзя не отметить, что проявленная населением Австрии готовность к объединению с Третьим рейхом, подтвержденная результатами плебисцита 10 апреля 1938 г., не может быть объяснена без изучения австрийского общественного мнения, которое не так часто оказывалось в центре внимания исследователей. В докладе ключевые эпизоды аншлюса — встреча А. Гитлера и К. Шушнига в Берхтесгадене, ввод германских войск в Австрию, плебисцит об объединении двух германоязычных государств — будут проанализированы с опорой на материалы австрийской печати с целью выявления в публикациях ключевых паттернов, позволяющих проследить консолидацию общественного мнения вокруг идеи вхождения Первой Австрийской Республики в состав Третьего рейха. Для анализа были отобраны газеты различной направленности: рупор правительства *Wiener Zeitung*, либеральные *Neue Freie Presse*, *Kleine Volks-Zeitung*, *Der Wiener Tag*, *Neues Wiener Tagblatt*, христианско-социальные *Das Kleine Volksblatt*, *Österreichische Arbeiter Zeitung* и *Wiener Neueste Nachrichten*, социал-демократическая *Das Kleine Blatt*. В докладе показано, что, отражая взгляды разных партий и социальных групп, в вопросе поглощения Австрии более крупным и мощным соседом указанные издания проявляли удивительное единодушие. Подобное единогласие являлось отражением в первую очередь внутривнутриполитических

процессов в республике, чье население в большинстве своем к 1938 г. разочаровалось в жизнеспособности отдельного австрийского государства и видело в аншлюсе средство восстановления чести и гордости нации в рамках единого германского государства. ■

**СВОБОДКА, ИСКРА: К СЕМАНТИКЕ И СЕМИОТИКЕ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН У БОЛГАР***

В болгарском именовании немало антропонимов, как распространенных, так и единичных, которые считаются идеологическими. Известны болгарские имена с революционными ассоциациями (*Септемврийка* в честь 9 сентября 1944 г.), а также перенесенные на болгарскую почву имена героев и вождей СССР (*Будьони*, *Ленин*, *Илич*), антропонимы от апеллятивов, обозначающих разного рода идеологические понятия и советские реалии (*Искра*, *Свобода*, *Петилетка*) и др. Такие имена давались детям в болгарских семьях «левых», социалистов, коммунистов, советофилов (русофилов) на протяжении всего XX в. Однако болгарский антропоним, как правило, вбирает в себя несколько смысловых комплексов и зачастую сочетает в себе разные семиотические модели, апеллирующие к новаторству («прогрессивности») и вместе с тем к традиционности. В Болгарии сохраняется определенный баланс между свободой в выборе имени для ребенка и диктатом патриархального канона. Ряд антропонимов, которые кажутся бесспорно идеологическими, не являются таковыми или включают в себя и другую информацию, в частности, родовую преемственность (*Сталин* — от *Стальо* и *-ин*; *Сталинка* в честь двух бабушек *Станки* и *Калинки*) [Илчев 1969, 462]. Наоборот, имена-апеллятивы, не ассоциирующиеся с идеологией, могут нести в себе политический заряд (*Искрен* — в память о газете *Софийска Искра* [соб. зап.], *Уляна* — от фамилии *Ульянов* [Илчев 1969, 504]). Конкретная история антропонима, его семиотический статус и семантические связи проясняются на основе анкет,

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросс-культурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>.

нарративов и словарных материалов, что будет подробно показано в докладе на примере ряда имен (*Свободка, Искра, Ленинка* и др.). ■

Литература:

Илчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. София: Изд-во на БАН, 1969.

Силкин Александр Александрович

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.26

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК И ТОТАЛИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО: ЮГОСЛАВСКИЙ КОММУНИСТ СВЕТОЗАР ЙОВАНОВИЧ в СССР. 1929–1941

Изучение феномена югославской и в целом иностранной коммунистической эмиграции в СССР в 1920–1940-е гг. неправильно ограничивать фигурами первого или второго ряда. Документы, использованные при подготовке доклада, демонстрируют, что судьбы тех, кто не занимал высоких должностей в компартиях или Коминтерне, тоже могут быть отражением значимых исторических процессов. В частности, жизненный путь Светозара Йовановича (1897–1941) — сапожника из села Мириево в 25 км од Пожареваца — показательный пример взаимоотношений государственной машины и «маленького человека», осмелившегося «поиграть в политику». В жестокую эпоху мировых войн несколько авторитарных и тоталитарных режимов пытались лишиться нашего героя свободы и жизни, что в конце концов и произошло в 1941 г. в оккупированном немцами Киеве. В 1914–1918 гг. С. Йованович мог погибнуть на поле боя или в австро-венгерском лагере для военнопленных, в который он попал в 1915 г. Демобилизовавшись в 1919 г., бывший солдат сербской армии вступил в Коммунистическую партию Югославии, в которой через несколько лет занял должность «секретаря областного комитета». В 1928 г. Йовановича, которому грозит арест, партия отправляет в Москву на учебу в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ). Получив советский паспорт и вступив в ВКП(б), студент получает новое «школьное имя», а именно, «Стефан Павлович Богдановский». Отныне ему, как и миллионам советских граждан, приходится постоянно искать некую форму «мирного сосуществования» с властью, а, следовательно, уступить ее давлению, идти на неизбежные «ком-

промиссы с совестью». Инстинкт самосохранения предостерег Богдановского от участия во внутрипартийных склоках, а от Большого террора уберегла «командировка» в Испанию (1936–1939). За три года, проведенные Богдановским за границей, была уничтожена большая часть его однокашников и старших партийных товарищей. В страхе перед перспективой последовать за ними, «интербригадoveц» по возвращении в СССР отрекается от жены, арестованной в его отсутствие органами НКВД и приговоренной к пяти годам лагерей. Богдановский уезжает в Киев, где заводит новую семью. Увернувшись от «карающего меча революции», наш герой, тем не менее, не перестал быть заложником большой европейской политики. В сентябре 1941 г. он разделил участь более чем полумиллиона солдат и командиров Юго-западного фронта, оборонявших Киев и оказавшихся в немецком «котле». ■

Станков Николай Николаевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.27

О СВОБОДЕ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО. КНИГА М. д'ЭРБЕНЬИ «ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ» И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В 1927 Г.

В докладе рассматривается деятельность советского полпредства в Праге в 1927 г. по налаживанию контактов с католическими кругами в ЧСР, в связи с чем полпред В. А. Антонов-Овсенко наметил соответствующий план. Одним из его пунктов была распространение в чехословацкой прессе информации о церковной жизни в СССР, которая должна была нейтрализовать сообщения об антирелигиозной политике советского правительства, о репрессиях против верующих, в первую очередь, против священнослужителей, независимо от конфессиональной принадлежности. Для этого советские дипломаты решили использовать книгу ректора Папского Восточного института иезуита М. д'Эрбенъи «Церковная жизнь в Москве», вышедшую на русском языке в Париже в 1926 г. Книга была написана сразу же после его «частной поездки» в Москву в октябре 1925 г. Преследуя цель создать в СССР католическую церковную иерархию и развернуть широкую миссионерскую деятельность, д'Эрбенъи в своей книге уклонился от прямой критики советских государственных органов, более того противопоставил их заботу о сохранении церковных памятников вандализму французских революционеров XVIII в. Не отрицая атеистических взглядов правящих кругов СССР, их активную атеистическую пропаганду, он отмечал, что в старинных храмах ведутся реставрационные работы, многие церкви открыты и в них совершаются богослужения, причем при большом стечении верующих. Бюро печати полпредства разослало книгу д'Эрбенъи и извлечения из нее в переводе на чешский язык многим ответственным деятелям Чехословацкой народной партии и представителям католической печати. Эти материалы были широко использованы для опровержения со-

общений о гонениях на церковь в СССР и организации кампании за признание Советского государства. В. А. Антонов-Овсеенко рекомендовал использовать книгу д'Эрбеньи советским полпредам и в других странах. ■

Стыкалин Александр Сергеевич

(Институт славяноведения РАН, Москва)

DOI: 10.31168/0489-3.28

ТЕМА ЛИШЕННОСТИ СВОБОДЫ В МЕМУАРАХ УЗНИКА СТАЛИНСКИХ ЛАГЕРЕЙ И РУМЫНСКИХ ТЮРЕМ (К ВЫХОДУ В СВЕТ ВОСПОМИНАНИЙ Н. В. САБЛИНА)

В 2016 г. в Клуже (Румыния) в издательстве *Argonaut* вышла в русском оригинале книга, в основу которой была положена большая рукопись мемуаров, извлеченная из архивов Секуритате. Инициаторами публикации выступили историки из Бессарабии Вадим Гузун и Михаэла Ботнарь, позже книга была опубликована и в переводе на румынский язык, вызвав определенный резонанс. Мемуары назывались «Путешествие по Эльдорадо. 10 лет в советских лагерях» и принадлежала перу русского эмигранта. Мемуарист Николай Васильевич Саблин (1880–1962) был человеком с яркой биографией, в молодости морской офицер, герой-орденоносец русско-японской войны 1904–1905 гг., позже стал журналистом. Он относился к эмигрантскому бомонду, был младшим братом Евгения Васильевича Саблина, карьерного дипломата до 1917 г., а позже центральной фигуры русской эмигрантской колонии в Англии. Арестованный в декабре 1944 г. советскими спецслужбами в Бухаресте, Н. Саблин до 1955 г. находился в советских тюрьмах и лагерях, получив возможность вернуться в Румынию, чьим подданным был, только в 1955 г. Новый арест Саблина, теперь уже румынской Секуритате, в марте 1958 г. был связан с публикацией в парижском издании фрагментов его мемуаров о 10-летнем пребывании в советском ГУЛАГе. Человек высокой культуры, прекрасно владевший пером, Н. Саблин в мемуарах не раз сравнивал свой жизненный опыт с опытом Ф. М. Достоевского, запечатленным в «Записках из Мертвого дома». С другой стороны, некоторые его описания лагерного быта и нравов вызывают у читателя прямые ассоциации с прозой Варлама Шаламова. Размышления о человеческой свободе в сопоставлении

с несвободой проходят сквозной нитью через все мемуары Саблина, что дает возможность до известной степени реконструировать понимание им сути свободы. В докладе рассмотрен внешнеполитический контекст второго «дела Саблина». Суд над ним осенью 1958 г. почти совпал по времени с громким делом Б. Л. Пастернака, исключенного из Союза писателей СССР за публикацию за рубежом романа «Доктор Живаго», а кончина Н. В. Саблина в румынской тюрьме с публикацией в «Новом мире» повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Хотя к тому времени уже состоялся не только XX, но и XXII съезд КПСС, ознаменовавший собой вторую волну десталинизации, слишком реалистическое, лишенное прикрас изображение советских реалий пусть сталинской эпохи нещадно каралось даже и во все более дистанцировавшейся от Москвы Румынии, если было связано с выражением жесткой антикоммунистической позиции и если автор имел репутацию белогвардейца и антисоветчика со стажем. Нельзя, впрочем, исключать, что Н. В. Саблин просто не дожил до своей амнистии. На эту мысль наводят размышления о судьбе человека его генерации, лично ему знакомого Пантелеймона Николаевича Халиппы (1883–1979), с начала XX в. одного из харизматических лидеров национального движения бессарабских молдаван, который в межвоенный период занимал министерские посты в королевской Румынии. Арестованный в 1950 г. в Бухаресте и депортированный в СССР, он был приговорен к 25 годам лишения свободы, а в 1953 г. возвращен в Румынию и отбывал наказание там в заключении вплоть до амнистии 1957 г. Халиппа, одержимо веривший в права Румынии на Бессарабию, воплощал всей своей жизнью идеалы, ставшие вполне созвучными идеалам румынской коммунистической элиты при Чаушеску. В своих письмах румынскому руководству он периодически давал ему советы относительно выстраивания отношений с восточным соседом. В отличие от Саблина, умершего в тюрьме, Халиппа скончался 96-летним старцем в своей бухарестской квартире, успев получить от режима хотя и скромную, но персональную пенсию — румынские власти сочли перебором и вызовом Москве только восстановление его в Румынской академии, из которой он был исключен после ареста 1950 г. ■

**От «любви и свободы» Петёфи
к «Тренингам свободы» Надаша:
ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ
В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДИСКУССИЯ
ОБ АВТОРСКОЙ СВОБОДЕ**

Свобода и стремление к ней всегда (по крайней мере в период Новейшей истории) составляли основу венгерской идентичности. В XIX в. свобода становится ключевой темой венгерской поэзии — вслед за своими предшественниками крупнейшие венгерские поэты, в том числе Шандор Петефи и Янош Арань возводят ее в ранг национальной идеи. Бурный XX век заставляет многих авторов вновь и вновь обращаться к понятию свободы в контексте героического прошлого и на фоне меняющегося миропорядка, который на протяжении всего столетия так или иначе ограничивает «венгерскую свободу». Наряду с размышлениями об абстрактной свободе, писатели и поэты постоянно сталкиваются с потерей как политической, так и личной и творческой свободы. В межвоенный период программным текстом на эту тему становится статья Лайоша Надя «Отчет по делу о писательской свободе» (журнал *Nyugat*, 1936). Поиск свободы в период после окончания Второй мировой войны оказался еще более драматичным, особенно после очередной попытки «вырваться на свободу» — на этот раз из социалистического лагеря. О противопоставлении свободы и страха рассуждал в 1956 г. философ Иштван Бибо. Своеобразный итог венгерских поисков свободы подводит в конце XX в. Петер Надаш в «Тренингах свободы» (1974–1999). В конце XX — начале XXI в. вопросом о традиции свободы в венгерской культуре и литературе задается поэт Дёрдь Петри (2001). Новые этические и политические условия первых двух десятилетий XXI века создают для человека пишущего и для его/ее текстов новые ограничения, за-

ставляют переосмыслить представления о свободе, расширить это понятие (Тамаш Йонаш, Андреа Томпа и др.). Доклад посвящен основным трансформациям концепции свободы в венгерской литературе (с середины XIX века до наших дней). ■

СОДЕРЖАНИЕ

Адельгейм Ирина Евгеньевна

Свобода героя / автора / читателя
(Янина Душейко и Ольга Токарчук) 3

Александрова Анна Константиновна

Понятие «суверенитет» в политическом дискурсе Греции
в период финансово-экономического кризиса 2010-х годов 5

Аржакова Лариса Михайловна

Место и роль категории *свобода* в польской политической мысли
второй половины XIX в. 7

Баченина Валерия Вячеславовна

Влияние концепции свободы австрийских пангерманистов
на формирование национальной идентичности австрийских немцев
в конце XIX — начале XX в. 9

Бут Юлия Евгеньевна

«Мы хотим свободную школу!»: учителя Цислейтании в борьбе
за свободу от государственного, националистического
и партийно-политического контроля 11

Вирен Денис Георгиевич

(Не)свобода в польском кино времен «зрелого социализма» 13

Дюкин Сергей Габдульсаматович

Концепт свободы в венгерской литературе XX века 14

Зайцева Дарья Сергеевна

Отчуждение от человеческого в пространстве и времени
как потеря свободы в очерке Вальтера Беньямина «Москва» 15

Илюкович Илья Владимирович

Свобода аристократа в немецкой портретной живописи 17

Казарцев Евгений Вячеславович, Якимова Мария Владимировна

Переводческие практики и свобода реализации метра:
русско-белорусский литературный трансфер 19

Кимленко Екатерина Александровна

«Ватиканский узник» Пий IX и иерархи Курии
о посягательстве властей Итальянского королевства
на свободу понтифика 20

Кирилина Любовь Алексеевна

Антинемецкие выступления в Любляне в сентябре 1908 г. —
страница борьбы словенцев за национальную свободу 21

Киселева Лариса Айратовна

Отражение представлений о свободе и воле
в языковой картине мира средневекового человека
(на материале исторических словарей русского языка) 23

Котов Виктор Викторович

Чешский журнал *Svoboda* как исторический источник
и историческое явление (1867–1875) 24

Лагно Анна Романовна

Идеи и идеалы свободы крестьян Западной Украины
(на основании анализа частной переписки 1960–1980-х гг.) 26

Лобачева Юлия Владимировна

Слово *свобода* в книге И. Г. Грицкат-Радулович
«На зарубежной родине»: контексты и значения 28

Марней Людмила Петровна

Судьбы политических и экономических свобод в Царстве Польском
в первой половине XIX в. 30

Мионов Владимир Валерьевич

О «добровольно-принудительном» принципе членства
в Отечественном фронте (1933–1938) служащих
государственных учреждений Австрии 31

Новикова Арина Дмитриевна

Дипломатический церемониал в России XVIII века:
строгие правила и протокольные вольности 33

Перетяцько Артём Юрьевич

Право на защиту своих прав и право служить Империи:
борьба донских казаков XIX в. за выборное самоуправление 35

Петрова Мария Александровна

Споры о суверенитете в Священной Римской империи
и их отражение в дипломатической литературе
и дипломатической практике второй половины XVII–XVIII вв. 37

Приступа Наталья Николаевна

Экономическая свобода и перестроечные процессы в СССР
на страницах чехословацкого самиздата 38

Рагозин Герман Сергеевич

«Австрийская свобода» как манифестация
суверенитета Габсбургов средствами исторического мифа
(на примере сочинений Йозефа фон Хормайра) 40

Родин Денис Валерьевич

Выбирая несвободу: аншлюс 1938 года
в зеркале австрийской прессы 42

Седакова Ирина Александровна

Свободка, Искра: к семантике и семиотике идеологических имен
у болгар 44

Силкин Александр Александрович

Маленький человек и тоталитарное государство:
югославский коммунист Светозар Йованович в СССР. 1929–1941 46

Станков Николай Николаевич

О свободе, которой не было.
Книга М. д'Эрбеньи «Церковная жизнь в Москве»
и советская дипломатия в 1927 г. 48

Стыкалин Александр Сергеевич

Тема лишения свободы в мемуарах узника
сталинских лагерей и румынских тюрем
(к выходу в свет воспоминаний Н. В. Саблина) 50

Якименко Оксана Аркадьевна

От «любви и свободы» Петёфи к «Тренингам свободы» Надаша:
трансформация концепции свободы в венгерской литературе
и дискуссия об авторской свободе 52

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СВОБОДА НА ВСЕ ВРЕМЕНА:
ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ В МИРЕ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНАХ
XVIII–XX ВВ.**

Тезисы докладов VII конференции
Междисциплинарного центральноевропейского семинара,
7–8 ноября 2023 г.

Редакторы-составители:

О. В. Хаванова, Д. Ю. Ващенко

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
119334, Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 17.10.2023. Формат 60×84¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 3,26.

Объем 3,5 печ. л.

Заказ № 48.

Тираж 300 экз.

